

А. С. ГУРОВИЧ

Две ошибки

Лишь безнадежные тупицы или неисправимые доктринеры дерзают еще отрицать факт перехода революции через решающую грань, — через грань, отделяющую период бурного разрушения от периода напряженного строительства. Но точно также только легкомысленные оптимисты или перестаравшиеся апологеты могут думать или говорить, что путь революционного творчества легко в безболезненно дается воскресающей стране. Нет сомнения, процесс испепеления остатков прежней гнили кончен; на расчищенном просторе воздвигается новая Россия. Но также несомненно, что процесс ее рождения движется очень медленно и очень неровно, — падения и ушибы щедро приносит каждый его шаг.

Причины мучительных изломов и тягостной длительности этого процесса таятся не только в истощении страны, не только в тлеющей еще, хотя и погасающей уже, инерции распада. Они в немалой мере кроются также в непрерывной еще до сих пор разногласии между объективным ходом самой революции и субъективными идеалами основных общественно-политических творческих сил России. Революция неуклонно движется по собственным законам; она медленно, но непобедимо осуществляет таящиеся в ней потенции и выпавшие на ее долю исторические задачи. Но процесс этот совершается бесформенно и стихийно, ибо главнейшие общественно-политические силы стражи пытаются не столько поддержать объективный ход событий, оформить и организовать его, сколько использовать его для осуществления своих субъективных идеалов, не оправданных реальной действительностью.

Таковыми силами являются, с одной стороны, правящие страной коммунистические группы, с другой — прогрессивные круги русской общественности. Одни углубляли и развивали революцию, другие —

только приняли ее; но и те, и другие в своем отношении к революции смотрели и смотрят на нее лишь как на путь и средство к достижению их собственных общественных идеалов, а не как на способ достижения тех новых форм государственной жизни, необходимость и неизбежность которых обуславливается, но чьими либо мечтами и желаниями, но объективными предпосылками и потребностями, коренящимися в самой русской действительности. И одни, и другие хотят подчинить своим схемам живой поток событий, — и от их попыток рождаются лишь болезненные стеснения и тягостные преграды для нормального развития событий.

Когда говорят, что русская прогрессивная общественность («прогрессисты» из так называемой эмиграции в счет, конечно, не идут) приняла революцию, — это верно только лишь наполовину. Ибо это «приятие», если оно не сводится, как это часто бывает, к простому квиристическому примирению неотразимыми фактами, основывается по большей части на вере в то, что революция тяжелым и тернистым путем приведет Россию все-таки туда-же, куда «приявшие» хотели прийти более легкою и мирною дорогою. И наоборот, когда говорят, что коммунисты учли опыт революции, это тоже верно только лишь на половину. Ибо этот «учет», если он не сводится к простым тактическим маневрам, выражается лишь в переходе с оказавшегося непроходимым прямолинейного пути на обходный путь, ведущий все к той-же прежней цели все в том же прежнем ее понимании.

Между тем суть вопроса не только лишь в путях, но и в целях. Задача не только в том, чтобы принципиально предпочитать или вынужденно принимать революционные методы разрешения проблем истории, — но и в том, чтобы принимать те их решения, которые даются логикою самих событий, не пытаясь бесплодно навязывать жизни, приготовленные собственной субъективною логикою ответы. Революцию надо принимать не потому, что она может придвинуть страну к социализму в его обычном понимании, как хотят одни, или к классической демократии, как хотят другие, и постольку, поскольку она подает надежды на то или другое, — но потому, что она является полным и завершающим ответом на породившие ее социально-политические нужды и потребности страны и народа, и будучи таким ответом, она не может не привести к такому именно обновлению России, которое единственно возможно и необходимо для русского государства и русского народа.

С таким решением вопроса не хотят, однако, согласиться ни русские демократы традиционного толка, ни русские коммунисты и социалисты некоторых оттенков. Для одних, поскольку революция

ими «принята», она должна повести к установлению в государстве «нормального» социально-политического порядка по общепринятой западноевропейской мерке. Для других, поскольку революция ими «направляется», она должна обеспечить отложенное на время осуществление идеального общественного строя. И оттого одни стремятся перекроить еще из вполне рожденный революцией зародыш новой жизни по их излюбленной норме, другие — допустить развитие лишь тех моментов в ходе событий, которые не противоречат возможности в любой момент вновь приступить к политике конечных достижений. Революция преодолевает и те, и другие стремления, ибо нельзя ни втянуть ее в русло, отвергаемое ею, ни ограничить полноту ее осуществления. Но эти стремления, во-первых, ранят и стесняют свободное развитие процесса, а во-вторых, оставляют революцию без того единственного вида сознательного вмешательства людей в ход истории, которое ей нужно: без содействия разумной человеческой воли тому направлению событий, которое неизбежно и необходимо в силу объективной логики явлений, хотя бы оно не удовлетворяло полностью ничьих идеалов.

Нетрудно усмотреть, однако, ошибочность этих двух, неодинаковых по силе и значению, но одинаково сдавливающих революцию стремлений. Мечта о нормальном западноевропейском образце забывает, что мнимая норма давно уже пережила свое прежнее положительное значение и вступила в полосу тяжелого и обостренного кризиса, мирный исход которого более, сомнителен. И если, несмотря на терзающий Европу кризис, ни Западе может еще поддерживаться при помощи микстур, пустырей и кровопусканий хронический социально-политический катарр, — то только лишь потому, что больной порядок опирается на давность, на крепость своих связей с житейским бытом, на инерцию установившегося темпа текущей жизни, потрясаемого революционной ломкой. Но ни одного из таких условий, требующих западноевропейского образца, в России нет. И слепо было бы думать, что революционное творчество, стихийно пуна твердых и прочных устоев, рожденных в собственных недрах, остановится на рецензии чужой мучительной болезни. — той самой болезни, некоторые черты которой имевшиеся в России, оказались решающим революцию фактором, ибо реванш направилась против них.

Точно также слишком упрощенной является та концепция урока революции, которая полагает, что неудача предельных социалистических замыслов, пытавшихся овладеть революцией, объясняется только неподготовленностью страны или помехами извне. Думать так — значило бы закрывать глаза на то, что история этих попыток

была кризисом не только экстремистского метода в социализме, но и кризисом традиционного понимания путей, ведущих к социализму. Прежняя уверенность в решающей роли обобществления производства опровергнута опытом русской революции, — и теперь, после этого опыта, возобновлять борьбу за социализм с того конца — было бы бесплодным заранее обреченным на неудачу повторением отвергнутого жизнью плана. И напрасно было бы думать, что чем больше сохранится остатков этого обобществления, тем больше социалистических завоеваний революции воспримет послереволюционная Россия, как напрасно было бы полагать, что к борьбе за расширение сферы социализированного хозяйства сводится в будущем главная задача социалиста. Революция преодолевает не только западноевропейский «нормальный» порядок, но и развившийся на его почве «нормальный» социалистический метод. Если революция приведет Россию не к отжившей западной «норме», то «русская аномальность» коснется не только обычных устоев европейского порядка, во в обычных традициях европейской оппозиции, этому порядку, т. е. должна будет измениться традиционная концепция социализма.

«Смену вех» должны пережить не только те, кто раньше революции не «принимал», но и те, кто принял ее сразу — ибо надо, кроме самой революции принять и непреодолимые жизненные выводы, творимые ею. В искании этих выводов, строго говоря, главная ценность идеологии «смены вех». И при этом, можно сказать, что как множественность направлений в этой идеологии, так и то обстоятельство, что далеко еще не все, кому следовало бы, решились сменить свои павшие вехи, объясняются тем, что еще в тумане грядущего, хотя и близкого, скрыты от глаз современников многие черты «выводов революции». Их смутно, но верно чувствуют народные массы, которые своими бессознательными и бесформенными, но мощными и неодолимыми действиями и противодействиями и выправляют ход революции, — ибо их чутье основано на непосредственном восприятии живой реальности. Но люди интеллекта лишь медленно и с большим трудом прозревают лик новой России, ибо над ними тяготеют старые формы политического мышления, столь же осужденные революцией, как и старые формы политической жизни, но зато обладающие бесконечно большим консерватизмом и живучестью.

И, однако, две черты этого лика теперь уже ясно видимы для всех. Одна из них — построение общественного порядка на принципе безусловного преобладания общего интереса над частным, — преобладания,

достигаемого не при помощи внешне-поверхностной юридической социализации прав на средства производства и распределения, но путем подчинения частной деятельности правилам социальной организации. Если частная собственность сохранится, но смысл этого понятия изменится, то будет достигнуто неизмеримо большее приближение к социализму чем посредством всех мер 1919–1920 годов, которые только переносили на другого субъекта все то же право в его неизменной буржуазной концепции. Другая предвидимая черта нового порядка — построение политической системы на власти народных масс, — построение, осуществляемое не формально-призрачным путем двусмысленных западных образцов, но посредством преобразования и развития тех органов народной власти, которые уже возникли в процессе революции.

Таковы основные выводы революции. И вместо искания неимущественных переходов от ее подлинных законов к своим традиционным целям, надо искать те указания и веления, которые диктуются ее природой. Вместо борьбы за свои, неоправданные действительностью мечты и желания, надо бороться за то направление, которое избрала сама история. Так надо не потому, чтобы перед силой эмпирии осталось только преклоняться. И не потому, чтобы рок истории следовало по-человечески прославлять, как откровение божественного разума. Но потому, что только раскрытием и воплощением смысла и сущности революции могут быть положены крепкие и мощные устои для возрождаемой России. Ибо революция — итог ее тысячелетних переживаний и начало ее новой судьбы.

Философия семечек

На тему об интеллигенции...

Еще раз братья за такую тему — не значит ли в миллионный раз потянуть к себе, от скуки и безделья, давно истрепанную, насквозь зачитанную книгу и перелистывать, почти не глядя, ее пожелтевшие страницы?

Пожалуй, да... Но что же делать? Книга до сих пор еще упрямо претендует на то, чтобы быть самой близкой, самой важной, самой, если можно так оказать, настольной для русского читателя-гражданина; она хочет быть чуть ли не библией русской жизни,